

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Я. Рубинштейн

*д.филос.н., проф., гл.н.с., Институт экономики РАН,
Государственный институт искусствознания, Москва*

О ПРОВАЛАХ ГОСУДАРСТВА И НЕСОСТОЯВШИХСЯ РЕФОРМАХ В ГУМАНИТАРНОМ СЕКТОРЕ

Аннотация. С единых позиций и в контексте общей теории изъятий смешанной экономики представлены результаты трех научных разработок, предложенных автором в течение последних пятнадцати лет. Речь идет о создании принципиально новой методологии и методики определения объема бюджетных субсидий производителям опекаемых благ в сфере культуры, образования и науки, основанной на оценке дефицита их дохода; о введении небанковского кредита и механизма «возвратной платы» для студентов ВУЗов, обеспечивающих равную доступность высшего образования для всех граждан, сдавших вступительные экзамены; наконец, о реформе фундаментальной науки, направленной на институционализацию одного из ее субъектов – журналов и создание эффективного рынка публикаций вместо контрпродуктивного нормирования результатов научной деятельности. Все указанные сюжеты рассмотрены в качестве примеров провалов государства, следствием которых стала их общая «судьба нереализованных замыслов».

Ключевые слова: реформа, культура, образование, наука, бюджетные обязательства, субсидия, дефицит дохода, небанковский кредит, возвратная плата, публикационная активность, научные журналы, провал государства.

Классификация JEL: H4, H5, I22, L38, Z1, Z11.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00009.

Введение¹

Многие годы задаю себе вопрос, кто же прав, Эмиль Дюркгейм или Макс Вебер? Мой нынешний ответ – правы оба. Все зависит от исходных условий. В качестве теоретической предпосылки настоящей работы используется положение о существовании интереса общества как такового, не сводимого к предпочтениям экономических агентов [Grinberg, Rubinshteyn, 2005; Гринберг, Рубинштейн, 2013; Рубинштейн, 2018б]. Этот важный в методологическом плане концепт, на первый взгляд, противоречит веберовскому принципу методологического индивидуализма. Вместе с тем более внимательный анализ позволяет увидеть условность данного заключения. Дело в том, что в его основе лежит не высказанное, но весьма существенное предположение.

¹ Настоящая статья написана на основе материалов к докладу автора на Юбилейной конференции Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, апрель 2019 г.), в котором использованы публикации предшествующих лет, посвященные реформированию высшей школы [Рубинштейн, 2004, 2008], системы финансирования организаций гуманитарного сектора [Rubinstein, 2013; Рубинштейн, 2017а, Рубинштейн, Славинская, 2018], реформирования фундаментальной науки [Рубинштейн, 2014, 2016, 2018а].

Речь идет о наличии совершенной институциональной среды – своеобразного аналога «невидимой руки», в которой действуют рациональные экономические агенты. В этом случае интересы экономических агентов, взаимодействующих между собой в совершенной институциональной среде, действительно, могут гармонизироваться и трансформироваться в интерес общества как такового. Иначе говоря, тезис о сводимости предпочтений общества к предпочтениям экономических агентов, действующих рационально, тождествен предпосылке о наличии совершенной институциональной среды.

Вместе с тем, в реальном мире нет абсолютно рациональных людей [Талер, Санстейн, 2018] и таких институциональных условий, когда рыночные механизмы саморегулирования обеспечивают полное согласование интересов общества и экономических агентов [Шаститко, 2016]. Поэтому есть основания исследовать другую природу общественного интереса и рассматривать его носителя – государство, в качестве автономного участника рыночных отношений (модель *плеймейкера*), использующего имеющиеся у него ресурсы для достижения декларируемых от имени общества целей [Рубинштейн, Городецкий, 2018].

Особое место в данном исследовании занимают опекаемые блага, создаваемые в гуманитарном секторе экономики, общественный интерес в которых, как правило, превышает индивидуальный спрос экономических агентов [Рубинштейн, 2018б]. Поэтому для реализации этого интереса, ориентированного на формирование человеческого капитала, обеспечивающего повышение уровня гражданской культуры и доверия в обществе, его сбалансированность и социальную устойчивость, инновационное развитие и экономический рост, создаются организации культуры, образования и науки, учредителем которых выступают государство или муниципальные образования. Финансирование таких организаций осуществляется из государственного бюджета.

С учетом этого целесообразно рассматривать два типа поведения государства. Во-первых, его *инвестиционную активность*, непосредственно направленную на реализацию объявленных интересов общества. И, кроме вложений в реальный сектор экономики, создающих условия для экономического роста, типичным примером такой линии поведения могут служить государственные инвестиции в производство опекаемых благ в гуманитарном секторе, цель которых – рост человеческого капитала, способствующего экономическому развитию. Во-вторых, речь идет о *реформаторской деятельности*, задачей которой является модернизация институциональной среды с целью обеспечения максимально возможного для сложившихся обстоятельств согласования интересов общества и экономических агентов. Подчеркну, однако, что это длительный и многошаговый эволюционный процесс.

И еще один предварительный комментарий. Потребность в реформах, как известно, проявляется в основном из-за необходимости создания институциональных условий для снижения социальной напряженности, повышения производительности труда и экономического роста. При обоснованных реформах, с верно выбранными целями и рассчитанными последствиями, можно ожидать, что поведение экономических агентов, максимизирующих собственные функции полезности, будет способствовать росту общественного благосостояния. К этому добавлю, что довольно часто возникает иная ситуация, когда причинами потери благосостояния являются *изъяны общественного выбора и действия бюрократии* [Рубинштейн, 2017б]. Устранение этих провалов государства также требует проведения соответствующих реформ.

* * *

Случилось так, что подготовка этой работы совпала с пятидесятилетием моих исследований в области экономики культуры и в целом гуманитарного сектора. За эти полвека я и мои коллеги на основе изучения зарубежного опыта и собственных теоретических и эмпирических исследований представили органам представительной и исполнительной власти множество рекомендаций, которые могли бы, на наш взгляд, улучшить условия

культурной, научной и образовательной деятельности, способствуя реализации декларируемого общественного интереса.

И лишь один раз в 1987–1989 гг., в известный период перестройки, когда «чиновники были еще растеряны», наши разработки удалось применить в «театральном эксперименте», который быстро перерос в реформирование хозяйственного механизма в сфере исполнительских искусств, обеспечив тем самым относительно мягкое их вхождение в рыночные отношения. Во все другие времена власть с уверенностью игнорировала рекомендации науки, а сами реформы если и проводились, то сверху, административными методами и без должного обоснования [Полтерович, 2007].

Я не буду анализировать общую ситуацию и ограничусь рассмотрением в качестве примера лишь нескольких сюжетов из опыта разработки предложений по реформированию отдельных элементов функционирования культуры, образования и науки. Речь идет о небольшой выборке, о трех идеях, которые, по всей видимости, так и останутся в виде не востребованных государственной бюрократией результатов научных исследований. Все указанные сюжеты рассмотрены в контексте теории изъятий смешанной экономики с демонстрацией их общей «судьбы нереализованных замыслов».

1. «Захват чужих компетенций»

Начну с банального утверждения о том, что участники культурной, образовательной и научной деятельности, где свобода творчества является сущностной особенностью, хотели бы, чтобы ее результаты приносили одновременно и экономический успех, обеспечивая хозяйственную самостоятельность соответствующих организаций. Однако многократно подтвержденная теоретическая закономерность, получившая название «болезнь цен» [Baumol, Bowen, 1966; Nordhaus, 2008; Rubinstein, 2013], свидетельствует, что финансовым итогом работы большинства организаций гуманитарного сектора объективно является дефицит их дохода и неспособность к рыночной самоокупаемости. Данный факт, наряду с общепризнанными позитивными экстерналиями культурной, образовательной и научной деятельности, побуждает многие государства создавать и финансировать организации гуманитарного сектора.

С учетом этого я буду исходить из того, что производители опекаемых благ, учредителем которых выступают государство или муниципальные образования, выполняют особую миссию, зафиксированную в их уставных документах [Рубинштейн, 2005]. Создавая такие организации и формулируя в соответствии с интересами общества, его культурной, образовательной и научной политикой их основные цели и задачи, учредитель принимает на себя *бюджетные обязательства* по компенсации объективно возникающего дефицита дохода производителей опекаемых благ. При том современная теория не отвечает на вопрос о величине бюджетной субсидии, которая бы соответствовала этим обязательствам. Это и стало причиной того, что организации гуманитарного сектора столкнулись с феноменом «управленческого провала», характерная черта которого – бюрократический «захват чужих компетенций» [Рубинштейн, Городецкий, 2018].

Дело в том, что вместо определения *обязательств учредителя* и ответа на вопрос – сколько бюджетных средств он *должен выделять* организациям для выполнения устанавливаемого им государственного задания, финансовое ведомство пошло по привычному пути нормирования и регламентации затрат производителей опекаемых благ, ограничивая тем самым их хозяйственную деятельность и захватывая чужие компетенции. Можно сказать, что чиновникам Минфина удалось невозможное – *бюджетные обязательства* учредителей «переплавить» в *обязанности* созданных ими организаций культуры, образования и науки, выполнять необоснованно устанавливаемые этим ведомством требования в отношении расходов труда и материалов.

Следствием этого управленческого провала стало недофинансирование гуманитарного сектора экономики, вызвавшее негативные процессы коммерциализации. Сложившееся положение дел, противоречащее сформулированным интересам общества, требует модернизации методологии финансового ведомства. Приоритетным направлением здесь является принципиальный отказ от практики сметного финансирования, включая любимое детище финансового ведомства – нормирования отдельных элементов затрат производителей опекаемых благ в сфере культуры, образования и науки. Не повторяя критику этой устаревшей минфиновской методологии², доведенной приказом Минкультуры РФ до уровня анекдота³, следует подчеркнуть ее хронический недостаток, который преодолеть невозможно даже при самом совершенном способе нормирования. Эта методология не учитывает главного – объективных причин дефицита дохода производителей опекаемых благ в гуманитарном секторе и невозможность из-за этого обеспечить их самокупаемость [Рубинштейн, 2017а].

Речь идет об альтернативной методике определения субсидий производителям опекаемых благ, основанной на обязательствах учредителей компенсировать дефицит их доходов, возникающий вследствие объективных экономических закономерностей («болезнь цен») и социальных норм, устанавливаемых государством. Как показали исследования, указанный дефицит дохода состоит из объективной и нормативной частей, включающих четыре элемента – базовый дефицит дохода; недополученный доход из-за отстающей производительности труда; инфляционный прирост незарплатных расходов; дополнительные издержки на оплату труда из-за нормативного увеличения заработной платы в текущем году [Рубинштейн, Славинская, 2018. С. 43–44].

При этом базовый дефицит дохода в силу известного принципа «path dependence» (зависимость от прошлого пути) следует считать равным величине фактической субсидии в предшествующем году. Такой способ определения базового дефицита дохода отражает инерционный характер большинства экономических процессов. Замечу также, что в величине субсидии предшествующего года, а, следовательно, и в базовом дефиците дохода текущего года аккумулируется весь «груз» накопленного отставания производительности и инфляционного роста незарплатных расходов в прошлый период.

Два других элемента объективной части дефицита дохода – это недополученный в текущем году доход из-за отставания производительности труда от средней производительности по экономике и независимое от производителя опекаемых благ увеличение его незарплатных расходов, вызванное ростом рыночных цен (инфляция) на товары и услуги, необходимые для его работы (рис. 1).

Нормативную часть дефицита дохода может быть оценена посредством оценки роста его расходов, в результате вмешательства государства, устанавливающего определенные социальные нормы. Примером введения подобных социальных норм являются Указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», установившие нормативный уровень средней заработной платы, в том числе в организациях культуры, образования и науки.

Новый подход и разработанная на его основе методика определения бюджетной субсидии, необходимой для выполнения государственного задания, и проведенные по этой методике расчеты позволили количественно показать, что выделяемые бюджетные средства организациям культуры, образования и науки были явно недостаточными (табл. 1–4).

² Подробный обзор многолетней дискуссии на эту тему представлен в монографии [Рубинштейн, 2003. С. 330–361]. См. также: [Институты общественной поддержки культурной деятельности, 2015. С. 125–144].

³ См., например, Приказ Минкультуры от 27 апреля 2018 г. № 602 «Об утверждении типовых отраслевых норм труда на работы, выполняемые в организациях исполнительских искусств», который по настоянию Союза театральных деятелей РФ был отменен в июне 2018 г.

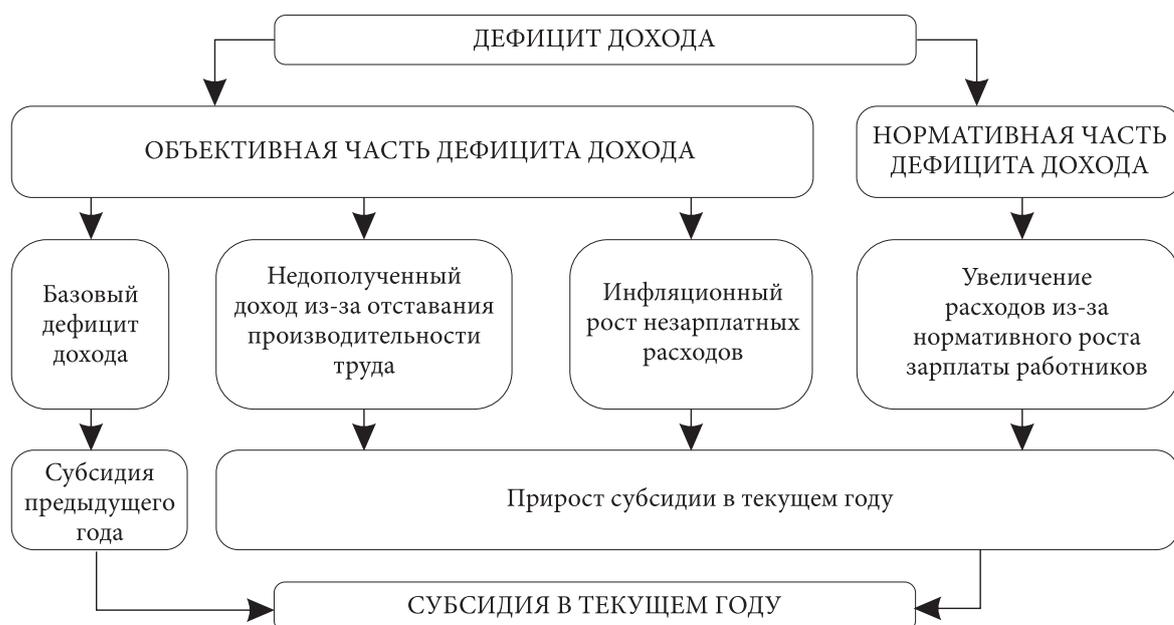

Рис.1. Общая схема определения субсидий организациям гуманитарного сектора

Таблица 1
Фактическая и расчетная величина субсидии театрам РФ

Годы	Фактический объем субсидии (млрд руб.)	Расчетный объем субсидии (млрд руб.)	Объем недофинансирования театров	
			млрд руб.	в % к расчетному объему субсидии
2011	36,6	46,6	10,0	21,5
2012	42,8	59,0	16,2	27,5
2013	50,0	67,5	17,5	25,9
2014	53,1	74,0	20,9	28,2
2015	51,8	81,8	30,0	36,7
2016	54,0	91,9	37,9	41,2
2017	58,2	106,3	48,1	45,3

Источник: составлена автором совместно со А.А. Славинской.

Таблица 2
Фактическая и расчетная величина субсидии вузам РФ

Годы	Фактический объем субсидии (млрд руб.)	Расчетный объем субсидии (млрд руб.)	Объем недофинансирования высших учебных заведений	
			млрд руб.	в % к расчетному объему субсидии
2014	331,25	409,43	78,18	19,1
2015	316,81	441,97	125,16	28,3
2016	303,06	559,91	256,85	45,9
2017	314,69	786,97	472,28	60,0

Источник: составлена автором совместно со А.А. Славинской.

Таблица 3
Фактическая и расчетная величина субсидия ИЭ РАН

Годы	Фактический объем субсидии (млрд руб.)	Расчетный объем субсидии (млрд руб.)	Объем недофинансирования Института экономики РАН	
			млрд руб.	в % к расчетному объему субсидии
2013	0,141	0,331	0,19	58,8
2014	0,202	0,341	0,14	41,2
2015	0,172	0,388	0,22	55,7
2016	0,161	0,413	0,25	60,9
2017	0,171	0,386	0,21	55,5

Источник: составлена автором совместно со А.А. Славинской.

Таблица 4
Фактическая и расчетная величина субсидии Государственного института искусствознания

Годы	Фактический объем субсидии (млрд руб.)	Расчетный объем субсидии (млрд руб.)	Объем недофинансирования Государственного института искусствознания	
			млрд руб.	в % к расчетному объему субсидии
2013	0,08	0,35	0,26	75,90
2014	0,09	0,25	0,15	62,38
2015	0,09	0,31	0,22	71,27
2016	0,09	0,35	0,26	75,23
2017	0,10	0,39	0,29	73,82

Источник: составлена автором совместно со А.А. Славинской.

От ошибочной методологии финансового ведомства в комбинации с произволом чиновников пострадали все представленные в расчетах организации гуманитарного сектора. Так, в 2017 г. недофинансирование театров составило 45,3% от расчетного объема субсидии, высшего образования – 60%, Института экономики РАН – 56,4%, Государственного института искусствознания – 73,8% (табл. 1–4). Причем рост недофинансирования производства культурных, образовательных и научных благ, главным образом был обусловлен социальными нормами в отношении заработной платы (дорожная карта), которые были установлены в соответствии с майскими 2012 г. Указами Президента РФ, но не были обеспечены необходимыми бюджетными средствами.

Выполненные расчеты позволили показать также, что даже при относительно низком уровне оплаты труда в организациях гуманитарного сектора, выделяемые бюджетные субсидии предопределили наметившиеся в последнее время процессы коммерциализации культуры и образования, сопровождаемые сверхинфляционной динамикой цен на опекаемые блага, а также ставшее хроническим недофинансирование науки. В качестве примера приведу динамику цен на театральные билеты в сравнении с динамикой индекса потребительских цен (рис. 2).

Рис. 2. Индексы средних цен на билеты в театры РФ и средних потребительских цен по экономике (2001=1)

Подобная динамика цен на билеты в театр, радикально противоречащая «Основам государственной культурной политики», утвержденным Указом Президента РФ (от 24 декабря 2014 г. №808) демонстрирует несоответствие бюджетного финансирования культуры интересам общества⁴.

Если от появления идеи, которой предшествовали полувековые исследования, до построения конкретной методики определения бюджетных субсидий прошло около трех лет, то подход к реформированию системы финансирования высшей школы сформировался пятнадцать лет назад и в этом году отмечает своеобразный «юбилей нереализованных возможностей».

2. «Вверх по лестнице, ведущей вниз»

Образование не роскошь, а средство продвижения на рынке труда женщин и мужчин, предприятий и организаций в конкуренции с другими субъектами экономической жизни. Я далек от мысли сводить все к утилитарным выгодам образования. Его фундаментальная роль доказательств не требует. Развитие сферы образования – императив экономического роста. Структурный сдвиг в пользу образования и науки представляет собой цивилизационный тренд и является условием формирования инновационной экономики, в которой человек, обладающий знаниями, интеллектом и информацией, становится ее важнейшим активом.

Традиционная теория относит образование к так называемым «квазиобщественным благам» [Блауг, 1994. С. 550]. Включение образования именно в эту группу благ предполагает сочетание индивидуальной и общественной платы. Дополнение индивидуальной платы за образование государственными расходами требует и теория *мериторных благ*, спрос на которые со стороны частных лиц отстает от желаемого обществом и стимулируется государством посредством бюджетных ассигнований и/или налоговых льгот производителям этих товаров и услуг [Musgrave, 1959, 1987]. Из наличия общественных интересов, не выявляемых в индивидуальных предпочтениях, исходит и *теория опекаемых благ*, в рамках которой также рассматривается комбинация платы индивидуумов и расходов государства [Рубинштейн, 2018б].

⁴ Последствия методологии минфина, основанной на нормативном методе определения субсидии государственным организациям образования и науки, приведшей к их недофинансированию, будут продемонстрированы в двух следующих параграфах данной работы.

Общее в этих теоретических подходах – *наличие индивидуальной платы*. При этом явное и мнимое «родство» с общественными товарами⁵ подталкивает к тому, что государство берет на себя производство образовательных услуг, а связанные с ними расходы компенсирует за счет налогов с граждан. В этом случае получение высшего образования одними индивидуумами оплачивается всеми налогоплательщиками, включая и тех, кто высшего образования не имеет, но которых по Блаугу «невозможно целиком отстранить от выгод, создаваемых более образованными» [Блауг, 1994. С. 550]. Однако и в этих обстоятельствах *неравенство в выгодах* требует дифференциации «личного вклада» в оплату высшего образования, то есть установления его индивидуальной оплаты.

Собственно, так и возникли различные схемы дополнительного налогообложения индивидуумов, получивших высшее образование, основанные на введении либо специального налога на их доходы, либо повышенной ставки подоходного налога [Johnes, 1993. P. 133]. В качестве механизма обеспечения индивидуальной платы рассматриваются и образовательные кредиты [Le Grand, Propper, Robinson, 1992. P. 87]. При этом главный идеолог данного подхода М. Фридман изначально предлагал объединенную схему финансирования высшего образования: для оплаты своего обучения студентам вузов предоставляется государственный образовательный кредит, который они погашают через подоходный налог [Friedman, 1962].

Отмечу, что радикальные взгляды Фридмана требовали либо полного прекращения государственных расходов на эту сферу, либо их существенного сокращения. Этим фридманским «*фридомонизмом*» страдают многие налоговые и кредитные схемы, преследующие в качестве цели минимизацию государственных расходов на высшее образование [Высшее образование..., 2004. С. 100–105]. И тот же Фридман в начале 60-х годов прошлого столетия предложил идею «образовательных ваучеров» [Friedman, 1962]⁶. В социально «облагороженной» версии такая замена бюджетного финансирования ВУЗов ваучерами была поддержана С. Дженксом [Jencks, 1970]. К концу двадцатого столетия теория знала уже несколько тысяч ваучерных схем финансирования высшего образования [Johnes, 1993, P. 126]. При этом из-за множества хронических изъянов ни одна из них так и не нашла своего практического применения.

Все это мотивировало разработку альтернативных предложений [Рубинштейн, 2004, 2008]. Их нынешняя актуальность обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в соответствии с экономической теорией образовательные услуги наряду с социальной имеют индивидуальную полезность, и потому сам факт установления индивидуальной платы вполне обоснован и соответствует мировой тенденции⁷.

Во-вторых, на данном этапе развития России, по-видимому, уже невозможно вернуться во времена бесплатного высшего образования [Абанкина, 2019]. В-третьих, стихийный характер введения индивидуальной платы за образование в 90-е годы и нынешнее

⁵ Подробный анализ группы общественных благ, их близких и дальних родственников, включая критику «квазиобщественных товаров» и мериторики, а также анализ их связей с опекаемыми благами, содержится в монографии (Рубинштейн, 2003. С. 26–60).

⁶ Сделаю одно уточнение. Я был уверен, что «образовательные ваучеры» – изобретение Милтона Фридмана. Однако, выяснилось, что данная идея встретилась еще в XVIII веке в Правах человека Т. Пэйна [Высшее образование..., 2004. С. 55]. И тут же нашелся более ранний пример. Я вспомнил о Театре в античные времена, когда казна выдавала свободным гражданам своего рода ваучеры – «таболы», которые они могли тратить на посещение театрального представления. Потом театры обменивали «таболы-ваучеры» на реальные деньги.

⁷ Отмечу, что до середины 80-х годов высшее образование в странах Западной Европы в основном было бесплатным. Позже получила признание установка на введение индивидуальной платы за обучение, частично компенсирующей расходы производителей образовательных услуг. Эта общая тенденция нашла отражение во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века, предполагающей, что финансирование высшей школы основано на привлечении как государственных, так и частных средств. Данный подход был выработан на Всемирном форуме «Образование для всех», который состоялся в апреле 2000 года в Сенегале [Егоров, 2004, С. 17].

деление студентов на «платных» и «бюджетных», нарушающее принцип доступности высшего образования для первых и превращающее вторых в «особо равных среди равных», требует реформирования сложившейся системы финансирования высшей школы.

Следует негативно оценить и сложившееся положение, когда в государственных вузах одновременно и вместе обучаются «платные» и «бюджетные» студенты. Я по-прежнему уверен, что необходимо исключить практику, превращающую университеты и другие образовательные учреждения в банальные «торгобры»: наличие денег не должно открывать двери вузов тем, у кого нет для этого соответствующих исходных знаний и навыков.

Позитивный же вектор предложенной реформы может быть выражен формулой – «от неравенства в бесплатности к равенству в платности». Все поступившие в результате конкурсных экзаменов граждане России должны оплачивать свои образовательные услуги на основе равной для всех ставки, не меняющейся в течение всего периода их обучения. При этом в зависимости от успехов в обучении и/или от имущественного положения студентов им могут устанавливаться стипендии и выделяться специальные гранты⁸.

Теоретический анализ позволяет выявить особенность образовательного блага – пролонгированность процесса обучения. В отличие, скажем, от театральной услуги, длительность которой определяется несколькими часами, комплектное образовательное благо имеет длительность 4, 5 и 7 лет. В этом контексте месячные, полугодовые и годовые денежные взносы студентов за обучение выглядят *авансовыми платежами*. С учетом сказанного важным положением предложенной реформы является замена любых форм *предоплаты* образовательных услуг их *оплатой* после завершения обучения в высшем учебном заведении⁹.

Очевидно, что реализация данного принципа порождает потребность в кредитных ресурсах, компенсирующих отсутствие авансовой платы студентов за обучение. В этом смысле ключевым элементом предлагаемой реформы является *небанковский* механизм кредитования студентов, который определяется следующей формулой. *Кредитование студентов – суть бюджетное финансирование вузов*. Смысл такого механизма обеспечения «личного образовательного кредита» раскрывается в трех сюжетах.

Во-первых, государство берет на себя обязательство полного бюджетного финансирования учрежденных им вузов, включая замещение той части их доходов, которая приходится на плату студентов за свое образование. Во-вторых, поступившие в вуз студенты берут на себя обязательство погашения «личного образовательного кредита» посредством оплаты образования после его завершения – договор «возвратной платы»¹⁰. В-третьих, указанная кредитная схема финансирования вузов не допускает сокращения государственных расходов на высшее образование. Ее использование направлено на создание эффективных и справедливых механизмов индивидуальной платы, обеспечивающих доступность высшего образования для всех групп населения.

Источником «возвратной платы» может служить оплата труда (доходы) выпускников государственных вузов. Это положение является одновременно и одной из целей реформы. При этом целесообразно предусмотреть распределение бремени «возвратной платы» между работодателем, использующим квалифицированный труд, и наемным работ-

⁸ Здесь имеет смысл обратить внимание на зарубежный опыт. Так, при введении в Австрии в 2000 г. индивидуальной платы за обучение была увеличена материальная поддержка неимущих студентов, а в Великобритании эта плата еще в 1997 г. была установлена дифференцированной в зависимости от материального положения студентов [Егоров, 2004. С. 12–13].

⁹ В случае отчисления студента – пропорционально числу завершенных лет обучения.

¹⁰ Похожая схема финансирования высшей школы реализуется посредством механизма государственных возвратных субсидий [Высшее образование..., 2004. 110–11]. В качестве предтечи можно назвать также и упомянутую выше кредитную схему Фридмана. Однако и в случае государственных возвратных субсидий, и в схеме Фридмана речь идет о полной компенсации потребителями расходов производителей образовательных услуг. В рассматриваемой же реформе речь идет о сохранении пропорции между бюджетным финансированием вузов и индивидуальной платой студентов, приобретающей форму «возвратной платы».

ником, являющимся выпускником одного из государственных вузов. В качестве компенсации части государственных расходов на образование (погашение образовательного кредита) каждый выпускник вуза, ставший наемным работником, и его работодатель вносят в соответствующей пропорции «возвратную плату» в государственный бюджет.

Рассматривая образование в качестве фактора повышения рыночной стоимости труда, размер «возвратной платы» следует устанавливать в зависимости от дохода выпускника. Чем лучше образование, тем больший доход получает выпускник вуза, и тем большие средства возвращаются государству. Важна и обратная сторона медали – если вузовский выпускник получил малооплачиваемую работу или остался без работы, то возвращаемые государству средства должны быть минимальными либо вовсе нулевыми. В связи с этим целесообразно установление нижней границы доходов выпускников, «недоотягивание» до которой освобождает их от «возвратной платы». «Возвратная плата» образовательных услуг наемным работником может осуществляться в виде дополнительного налога на доходы физического лица. Участие работодателя в оплате указанных услуг может производиться в форме отчислений в специальный государственный фонд высшего образования.

За четверть века многое изменилось, но, пожалуй, более всего это относится к индивидуальной плате студентов за свое обучение. В СССР услуги высшей школы были бесплатными, а расходы образовательных учреждений полностью покрывались за счет бюджетных ассигнований. В новой России сложилась иная ситуация и наблюдалось общее недофинансирование вузов: в период с 1991 по 2002 г. *доля государственного финансирования высшего образования* в ВВП сократилась в три раза: с 1,2 до 0,4% [Финансовые аспекты..., 2003. С. 53]. К сожалению, и в самый последний период времени государственные расходы на образование в России сокращаются как в реальном выражении, так и в процентах к ВВП.

Для сравнения отмечу, что доля государственных средств в бюджетах большинства вузов стран Западной Европы даже в кризисный период сохранилась на уровне 70%, в России же – 55,8% [Абанкина, 2019]. Стремясь выжить, российские государственные вузы вынуждены были увеличивать число коммерческих студентов: их удельный вес в 1993 году составлял 3,8%, в 1995 – 8,6, в 1997 – 15,6, в 1999 – 27,4, в 2001 – 40,%, в 2003 г. – 44,0% [Высшее образование..., 2004. С. 22], в 2016 – 44,2% [Абанкина, 2019].

Предложенная пятнадцать лет назад реформа финансирования вузов могла остановить этот коммерческий марш «вверх по лестнице, ведущей вниз» и сохранить доступность высшего образования [Рубинштейн, 2004]. К сожалению, этого не произошло и, как свидетельствуют исследования НИУ ВШЭ, в результате этого управленческого провала для 40% населения страны высшее образование стало недоступным [Абанкина, 2019]. Мы наблюдаем грустные и, наверно, невосполнимые потери.

Теперь о самом свежем сюжете, который также имеет многолетнюю историю и недавние публикации [Рубинштейн, 2014, 2016, 2018a], о подходе к реформированию одного из важных элементов научной деятельности, который в условиях ручного управления экономикой в комбинации с взятым на вооружение известным аргументом бюрократии – «у них же нет такой практики», по-видимому, также не имеет реальных шансов на реализацию.

3. Синдром Лысенко или «патерналистский провал»?

Наблюдаемый в последние годы подход к фундаментальной науке как к обычной отрасли хозяйственного комплекса возродил *псевдонаучный метод* применительно к оценке научных результатов, использование которого в данном случае совпало с реформой РАН, определившей нового учредителя академических институтов – Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). Игнорируя особенности научной деятельности, создающей «знание» в форме общественного блага, ФАНО, как известно, директивно

установило в качестве его измерителя число опубликованных статей в отечественных или зарубежных журналах, индексируемых в РИНЦ или МНБД [Полтерович и др., 2018. С. 127]. Содержательные результаты исследований, как и сам научный процесс, оказались за пределами интересов ФАНО, а теперь и Минобрнауки. Их заменили количественные показатели [Молини, Боденхаузен, 2017; Рубинштейн, 2018а].

Адаптируясь к насаждаемой системе управления наукой и высшей школой, став очередной жертвой «закона Гудхарта» [Игра в цифры..., 2011], сотрудники исследовательских институтов и университетов стремятся теперь «всеми правдами и неправдами» повысить свои «библиометрические успехи», от которых зависит их заработная плата [Рубинштейн, Слуцкий, 2018]. При этом избыточное внимание менеджеров от науки всех уровней к количественным показателям обусловило и другое неприятное явление – появились «умельцы большой урожайности» с высоким уровнем цитирования, множество откровенно некачественных статей и довольно большая группа «мусорных» журналов [Шиповалова, 2014; Балацкий, Екимова, 2015]¹¹.

Все это не могло не породить и соответствующий рынок – назову его, по аналогии с работой Акерлофа, «рынком лимонных публикаций», с расширяющимися масштабами предложения *опубликовать за плату* статьи в журналах, индексируемых в МНБД¹². Некоторые университеты стали выделять даже специальные средства своим сотрудникам, чтобы те могли оплачивать подобные публикации. Этот рынок, возникший как прямое следствие «изъяна общественного выбора» [Рубинштейн, Городецкий, 2018] – ФАНОпровозглашения в качестве интереса общества рост числа журнальных публикаций, привело к известному феномену «неблагоприятного отбора» [Akerlof, 1970], когда качественные работы и авторитетные журналы стали вытесняться плохими статьями и «мусорными» изданиями¹³. Началась и настоящая «охота за аффилиациями» – ради увеличения рейтинга ВУЗа приглашение работать на условиях совместительства (без обязанности читать лекции для студентов) авторов статей с высоким уровнем их цитирования.

Опыт последних лет позволяет сделать общий вывод – использование в управлении наукой количественных измерителей результатов научной деятельности наносит ей очевидный вред. Но даже в неблагоприятных условиях «изъяна общественного выбора», когда потребность общества в фундаментальной науке необоснованно трактуется учредителем академических институтов в терминах числа журнальных статей и их цитируемости, порождая «рынок лимонных публикаций», необходимо искать институциональные изменения, направленные на устранение последствий «патерналистского провала» государства.

В этом контексте, прежде всего, следует отделить собственно *исследовательскую* деятельность академических Институтов – обсуждения на ученых советах, семинарах и конференциях промежуточных и итоговых результатов работы ученых, разного рода научных докладов и коллективных трудов, а также дискуссии по фундаментальным научным проблемам, создающие атмосферу научного созидания, необходимую как для сложившихся ученых, так и для молодого поколения исследователей, способствующую появ-

¹¹ На этом мало приятном фоне несколько странным выглядит торжественный рапорт Вице-президента РАН на открытия Международного года периодической таблицы Менделеева в Париже: «Темпы роста количества статей российских ученых, индексируемых в базе научных журналов Web of science, с 2012 года почти в три раза превышают среднемировые показатели, и составляют примерно 12% в год» [Хохлов, 2019].

¹² Приведу пример одного из свежих (08.02.2019) объявлений. «Всем авторам научных статей! Срочные публикации! Объявлен набор в солидный журнал из Европы, входящий в базу Web of Science, выпуск гарантирован на март 2019. Цена 850 долл/ США, под ключ! Количество соавторов одной статьи допускается до 8».

¹³ В настоящее время (на 8 марта 2019 г.) выходят в свет 1 126 научных журналов по тематике «Экономика. Экономические науки». Из них индексируются в РИНЦ – 460 журналов, входят в перечень ВАК – 247 журналов, входят в ядро РИНЦ – 32 журнала, входят в базу RSCI – 27 журналов, индексируются в Web of Science – 15 журналов, индексируются в Scopus – 11 журналов, в Web of Science и Scopus – 9 журналов.

лению новых идей и приросту знания – от важной, но все же *вторичной* (по отношению к исследованиям) работы, направленной на подготовку и публикацию журнальных статей. Замещение же академической среды количественными показателями оценки Институтов ведет к деградации отечественной науки.

К сожалению, пока нет оснований рассчитывать на то, что государство, в лице учредителя академических институтов, откажется от своего ошибочного выбора – определения в качестве целей научной деятельности рост числа журнальных публикаций. Похоже, что иных способов управления, кроме опоры на количественные показатели, у бюрократии нет. Поэтому, оставаясь принципиальным противником количественных показателей научной деятельности, отмечу возможность решений, которые могли бы устранить или ослабить негативные последствия имеющего место изъяна общественного выбора. В данном случае задачу институциональной модернизации я вижу в создании «корректного» экономического механизма, стимулирующего реализацию декларируемого от имени общества интереса – рост количества журнальных публикаций сотрудников исследовательских организаций, но *не замещающий, а дополняющий* академическую деятельность институтов.

Речь идет об институционализации особых субъектов научной деятельности – журналов, миссией которых является публичное распространение знания и обеспечение коммуникации между российскими и зарубежными учеными. Создавая *производные от знания* продукты – публикации научных статей, они участвуют в формировании рынка научных работ, спрос на которые предъявляют указанные журналы, а предложение формируют авторы статей. В этом случае издержки журналов, кроме обычных издательских расходов, *должны включать оплату авторского гонорара и труда рецензентов*.

Понятно, что и перед журналами встает проблема компенсации их убытков (дефицита дохода), ибо доходы от издательской деятельности не покрывают всех издержек, обуславливая потребность в дополнительном финансировании. Здесь имеются следующие возможности: доходы от подписки на журналы и их розничных продаж; гранты из бюджетных и внебюджетных фондов, обеспечивающие дополнительный доход; предоставление налоговых льгот, способствующих снижению издержек издательской деятельности; работа волонтеров, обеспечивающих экономию затрат журналов¹⁴; средства спонсоров и меценатов, направляемые на их поддержку.

Основой «журнальной реформы» и реализации указанных возможностей могла бы стать специальная Федеральная программа государственной поддержки *научных журналов*, направленная на финансовое обеспечение расходов периодических научных изданий, включая оплату гонорара авторам опубликованных статей и их рецензентам, а также выделение *целевых субсидий научным библиотекам* университетов и академических институтов для оплаты подписки на основные научные журналы.

Наиболее эффективным институциональным решением в указанной Программе может стать создание системы профильных эндаумент-фондов по различным научным дисциплинам посредством разового внесения необходимых средств и последующего пополнения этих фондов целевого капитала за счет поступлений от индивидуальных бюджетных назначений и маркированных налогов [Институты..., 2015]. При этом пропорция между прямым финансированием журналов из средств инвестиционного дохода эндаумента и целевыми субсидиями научным библиотекам на оплату подписки на журналы может быть разной, включая расходование всех финансовых ресурсов Программы исключительно на обеспечение журнальной подписки.

Определенной модификацией «журнальной реформы» является распределение авторского гонорара между автором и научной организацией, где была подготовлена соот-

¹⁴ Известно, что большинство главных редакторов и членов редколлегии научных журналов осуществляют свои обязанности на общественных началах, являясь по сути волонтерами.

ветствующая статья. Содержательной же доминантой этой институциональной модернизации является замена порочной практики нормирования научного труда альтернативным механизмом, генерирующим экономические стимулы, но не обязательства(!), способствуя увеличению публикаций и тем самым удовлетворению декларируемых Минобрнауки потребностей общества.

У меня нет уверенности в том, что некоторые «государственные головы» не попытаются использовать предлагаемую программу поддержки научных журналов для сокращения финансирования академических институтов. К сожалению, и в самом Президиуме РАН раздаются голоса в пользу «проталкиваемого» финансовым ведомством конкурсного финансирования фундаментальной науки и даже сокращения вдвое числа аспирантов. Таково мнение Вице президента РАН¹⁵ и Президента РАН¹⁶. Очень хочется надеяться, что это лишь заблуждения текущего момента и уступки в предлагаемых обстоятельствах. Думается, научное понимание природы финансирования науки как обязательств учредителя, не допускающих конкурсных процедур, и осознание реальной потребности российской науки в явно большем количестве нормально оплачиваемых аспирантов постепенно восстановится.

Не забывая про риски подобного «управленческого провала», имеющего финансовую подоплеку, следует подчеркнуть, что для обеспечения программы государственной поддержки научных журналов должны направляться специальные бюджетные средства, возможно, на конкурсной основе, позволяющие реализовать интерес Минобрнауки в росте публикационной активности. Следует подчеркнуть также, что предлагаемая институциональная реформа содержит в себе конкурентный механизм повышения качества научных статей и самих журналов, публикующих указанные статьи. Для его запуска достаточно установить, что средства инвестиционного дохода эндаумента в рамках Федеральной программы распределяются между научными журналами пропорционально их ежегодно определяемому рейтингу [Рубинштейн, 2018а]¹⁷.

В этом случае большой гонорар авторам смогут выплачивать те журналы, которые обладают более высоким рейтингом. И наоборот, свои статьи авторы будут стремиться публиковать в журналах, имеющих лучший рейтинг. Финансовая заинтересованность журналов в повышении своего рейтинга и возможность оплаты труда рецензентов будут способствовать эффективному выбору качественных статей, обеспечивая тем самым устранение механизма «неблагоприятного отбора».

Отмечу также, что «журнальная реформа» приведет к некоторому перераспределению финансовых потоков. Если научные журналы, объективно не способные к самокупаемости, в нынешней ситуации финансируются в основном университетами и научными организациями, а теперь и авторами статей, то в результате реформы главным источником их доходов должны стать подписка научных библиотек, получающих целевые субсидии, и гранты эндаумента.

¹⁵ «В вузах система распределения госзадания по конкурсу была введена еще в 2015 году, когда я был председателем Совета по науке при Министерстве по образованию и науке. Мы одобрили это нововведение и предложили, чтобы аналогичная система была внедрена для всех фундаментальных научных исследований» [Хохлов, 2018].

¹⁶ «У нас сейчас в аспирантуре обучается около 20 тысяч человек. ... При этом необходимости в таком количестве аспирантов нет, достаточно будет 10 тысяч человек» [Сергеев, 2019].

¹⁷ Следует особо отметить, что в настоящее время рейтинги экономических журналов, устанавливаемые в РИНЦ (ядро РИНЦ и база RSCI, не говоря уже о списках ВАК), представляют, к сожалению, довольно произвольное ранжирование, опираться на которое вряд ли целесообразно. Нужны новые решения, которые позволили бы выделить четыре или пять упорядоченных групп журналов, коррелирующих с общественным мнением в отношении их научного авторитета и репутации. Один из возможных подходов к решению данного вопроса может быть связан с выявлением предпочтений научных библиотек вузов и исследовательских институтов на основе их фактической подписки на научные журналы.

Заключение

Что же объединяет рассмотренные сюжеты, возникшие в разное время и посвященные разным сферам гуманитарного сектора экономики. Нетрудно заметить, что все обсуждаемые вопросы так или иначе относятся к проблемам общественного выбора и бюджетного финансирования организаций культуры, образования и науки, учредителем которых является государство или муниципальные образования, несущие перед ними финансовые обязательства. По существу, речь идет о проблеме *соответствия патерналистских установок* государства и *финансовых ресурсов*, выделяемых для достижения сформулированных целей. В современном государстве эта проблема превратилась в один решающих факторов, который способен замедлять или ускорять экономическое развитие.

Указанные обстоятельства стали отправной точкой при разработке рекомендаций, направленных на улучшение условий культурной, образовательной и научной деятельности. Причем во всех случаях предметом изучения было сопоставление декларируемых от имени общества интересов с выделяемыми бюджетными средствами, необходимыми для их реализации. Выполненные в разное время исследования продемонстрировали, по существу, один и тот же феномен: в культурной, образовательной и научной деятельности учредитель не выполняет своих обязательств, а выделяемые бюджетные ресурсы являются явно недостаточными для реализации объявленных интересов общества, порождая негативные последствия этого разрыва между целями и средствами для их достижения, тормозя, а иногда и препятствуя экономическому развитию страны.

Указанный разрыв, собственно, и был движущей силой в разработке рекомендаций по реформированию системы финансирования гуманитарного сектора. Это относится к принципиально новой методологии и методике определения объема бюджетных субсидий производителям опекаемых благ в сфере культуры, образования и науки, основанной на оценке дефицита их дохода; к введению механизмов небанковского кредита и «возвратной платы» для студентов вузов, обеспечивающего равную доступность высшего образования для всех граждан, сдавших вступительные экзамены; к реформе науки, направленной на институционализацию одного из важнейших ее субъектов – журналов, и создание эффективного рынка публикаций вместо контрпродуктивного нормирования результатов научной деятельности.

Подчеркну, что во всех трех сюжетах рекомендации по реформированию предполагают обеспечение соответствия общественных интересов и выделяемых для их реализации бюджетных средств. Иначе говоря, представленные сюжеты объединяет общая потребность в увеличении бюджетных расходов на культуру, науку и образование, что входит в очевидное противоречие с политикой финансового ведомства – фактически, единственного рулевого российской экономики, рассматривающего подобные расходы лишь как избыточное или вовсе ненужное «бюджетное бремя», генерируя почти перманентный провал патерналистского государства.

Сформулирую общий вывод. Такое ощущение, что высокая должность и начальствующее кресло освобождают чиновника от всяких сомнений в правоте своих действий. Воспринимая себя в качестве высшего эксперта, любые рекомендации науки кажутся ему менее основательны, чем ответы на вопросы, которые он знает без всяких исследований. К сожалению, практически во все времена российская власть оставалась нечувствительной к рекомендациям науки. Как в прошлый период, так и сейчас она, фактически, не нуждается в эффективных реформах и воспринимает лишь те советы, которые совпадают с идеологическими установками руководителей страны, реализующих модель «ручного управления».

ЛИТЕРАТУРА

- Абанкина И.В. (2019). Финансирование образования: тренд на персонализацию // Журнал НЭА. №1 (41). С. 216–225.
- Балацкий Е.В., Екимов Н.А. (2015). Проблема манипулирования в системе РИНЦ // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». Т. 14. № 2. С. 166–178.
- Блауг М. (1994) Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.
- Высшее образование в России: правила и реальность (2004). Отв. ред. Шишкин С.В. М.
- Егоров В.К. (2004). Высшее и дополнительное профессиональное образование на современном этапе. М.
- Игра в цифрь, или как теперь оценивают труд ученого. Сборник статей о библиометрике (2011). М.: МЦНМО.
- Институты общественной поддержки культурной деятельности (2015). Под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: Государственный институт искусствознания.
- Молини А., Боденхаузен Д. (2017). Библиометрия как оружие массового цитирования // Вестник российской академии наук. Т. 87. № 1. С. 70–77.
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Рубинштейн А.Я. (2003). Структура и эволюция социального интереса. М.
- Рубинштейн А.Я. (2004). Выгоды образования. Десять тезисов альтернативной концепции реформы высшей школы // Стратегия России. №8, август. С. 77–83.
- Рубинштейн А.Я. (2005). Наука, культура и образование: препятствие или условие экономического роста? (по поводу проектируемой реформы бюджетных учреждений) // Российский экономический журнал. №4. С. 32–40.
- Рубинштейн А.Я. (2008). Экономика общественных предпочтений. М.
- Рубинштейн А.Я. (2014). О Журнале Новой экономической ассоциации и других экономических журналах: итоги опроса читателей // Журнал НЭА. №3 (23). С. 175–187.
- Рубинштейн А.Я. (2016). Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цифрь»? // Журнал НЭА, №2 (30). С. 162–175.
- Рубинштейн А.Я. (2017а). Могут ли исполнительские искусства быть прибыльными? // Вопросы теоретической экономики. №1. С. 88–108.
- Рубинштейн А.Я. (2017б). Элементы общей теории изъянов смешанной экономики // Вопросы государственного и муниципального управления. №1. С. 71–102.
- Рубинштейн А.Я. (2018а). Российские экономические журналы: табель о рангах // Экономическая наука современной России, №1. С. 108–130.
- Рубинштейн А.Я. (2018б). Теория опекаемых благ. Учебник. СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А.Я., Слуцкий Л.Н. (2018). Multiway data analysis и общая задача ранжирования журналов // Прикладная эконометрика. Т. 50. С. 90–113.
- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. (2018). Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Journal of Institutional Studies. Том 11. №4. С. 38–57.
- Рубинштейн А.Я., Славинская О.А. (2018). О новом подходе к финансовому обеспечению государственного задания организациям искусства // Вопросы государственного и муниципального управления. №4. С. 32–60.
- Сергеев А.М. (2019). Работает вхолостую: аспирантуру ждет реформа. 24/02/2019. info.sibnet.ru/article/547697.
- Стимулы академических и прикладных исследований и формирование экономического сообщества (2018). Материалы круглого стола в рамках XIX Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ / Полтерович В.М., Заостровцев А.П., Гурвич Е.Т., Волčkova Н.А., Григорьев Л.М., Яковлев А.А. // Вопросы экономики. № 10. С. 136–155.
- Хохлов А.Р. (2018). Тех, кто не тянет, государству не надо финансировать. 5/12/2018. indicator.ru/article/2018/12/05/kak-izmenitsya-finansirovanie-nauki-v-rossii.
- Хохлов А.Р. (2019). РАН: темпы роста числа статей ученых РФ в Web of science в три раза выше среднемировых. 30 января 2019 г. tass.ru/nauka/6060835.
- Шиповалова Л.В. (2014). Индекс цитирования и объективность экспертов (попытка философствования на злобу дня) // Высшее образование в России. №2. С. 119–125.
- Akerlof G.A. (1970). The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics. М. 84. August. Pp. 488–500.
- Baumol W.J., Bowen W.G. (1996). Performing Arts: The Economic Dilemma. The Twentieth Century Fund. New York.
- Friedman M. (1962). Capitalism and Freedom. Chicago.
- Jencks M. (1970). Education Vouchers: A Report on the Financing of Elementary Education by Grants to Parents. Cambridge.
- Johnes G. (1993). The Economics of Education. London.
- Le Grand J., Propper G., Robinson R. (1992). The Economics of Social Problems. 3rd ed. London.
- Musgrave R.A. (1959). The Theory of Public Finance. N.Y.-London.

- Musgrave R.A. (1987). Merit Goods. In: *Eatwell J., Milgate M., Newman P.* (Hrsg.). *The New Palgrave*, London-Basingstoke. Pp. 452–453.
- Nordhaus W. (2008). “Baumol’s Diseases: A Macroeconomic Perspective,” *Contributions to Macroeconomics*, Berkeley Electronic Press. Vol. 8(1).
- Rubinstein A. (2013). Studing «patronized goods» in cultural sector. *Econometric model of Baumol’s disease // Creative and Knowledge Society / International Scientific Journal*. №1.

Рубинштейн Александр Яковлевич

arubin@aha.ru

Alexander Rubinstein

doctor habilitatus in philosophy, professor, head of department of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; head of department The State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation

arubin@aha.ru

ABOUT STATE VALUES AND FAILED REFORMS THE HUMANITARIAN SECTOR

Abstract. The results of three scientific developments proposed by the author over the past fifteen years are presented from a common standpoint and in the context of a general theory of blemishes in a mixed economy. It is about creating a fundamentally new methodology and methodology for determining the amount of budget subsidies to producers of wards in the field of culture, education and science, based on an assessment of their income deficit; on the introduction of a non-bank loan and a “refundable fee” mechanism for university students, ensuring equal accessibility of higher education for all citizens who have passed entrance exams; and finally, on the reform of fundamental science, aimed at the institutionalization of one of its important subjects, journals, and the creation of an effective market for publications instead of a counterproductive rationing of the results of scientific activity. All the above plots are considered as examples of state failures, the consequence of which was their common “fate of unrealized designs”.

Keywords. *Reform, culture, education, science, budget commitments, subsidy, income deficit, non-bank loan, repayment, publication activity, scientific journals, the failure of the state.*

JEL classification: H4, H5, I22, L38, Z1, Z11.

REFERENCES

- Abankina I.V.* (2019). *Finansirovaniye obrazovaniya: trend na personalizatsiyu [Financing of education: the trend towards personalization]* // *Zhurnal NEA*. №1 (41). Pp. 216–225.
- Balatskiy E.V., Yekimova N.A.* (2015). *Problema manipulirovaniya v sisteme RINTS [Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2015) The problem of manipulation in the RISC system]* // *Vestnik UrFU. Seriya «Ekonomika i upravleniye»*. T. 14. № 2. Pp. 166–178.
- Blaug M.* (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive [Economic thought in retrospective]*. M.: Delo.
- Igra v tsyfir', ili kak teper' otsenivayut trud uchenogo. Sbornik statey o bibliometrike.* (2011). [Playing in “tsifir”, or how the work of a scientist is now evaluated (collection of articles on bibliometrics)]. M.: MTSNMO.
- Instituty obshchestvennoy podderzhki kul'turnoy deyatel'nosti* (2015). [Institutes of public support for cultural activities] *Pod red. A.YA. Rubinshteyna*. M.: Gosudarstvennyy institut iskusstvovznaniya.
- Khokhlov A.R.* (2018). *Tekh, kto ne tyanet, gosudarstvu ne nado finansirovat' [Those who do not pull, the state does not need to finance]*. 5/12/2018. indicator.ru/article/2018/12/05/kak-izmenitsya-finansirovanie-nauki-v-rossii.
- Khokhlov A.R.* (2019). *RAN: tempy rosta chisla statey uchenykh RF v Web of science v tri raza vyshe srednemirovykh [RAS: the growth rate of the number of articles by Russian scientists in the Web of science is three times higher than the world average]*. 30 yanvarya 2019. tass.ru/nauka/6060835.
- Molini A., Bodenkhauzen D.* (2017). *Bibliometriya kak oruzhiye massovogo tsitirovaniya [Bibliometry as a weapon of mass quoting]* // *Vestnik rossiyskoy akademii nauk*. T. 87. № 1. Pp. 70–77.
- Polterovich V.M.* (2007). *Elementy teorii reform [Elements of the theory of reform]*. M.: Ekonomika.
- Polterovich V.M., Zaostrovtshev A.P., Gurvich Ye.T., Volchkova N.A., Grigor'yev L.M., Yakovlev A.A.* (2018). *Stimuly akademicheskikh i prikladnykh issledovaniy i formirovaniye ekonomicheskogo soobshchestva (Materialy kruglogo stola v ramkakh XIX Aprel'skoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii NIU VSHE) [Incentives for academic and applied research and the formation of the economic community (Materials of the round table within the framework of the XIX April International Scientific Conference of the National Research University Higher School of Economics)]* // *Voprosy ekonomiki*. № 10. Pp. 136–155.

- Rubinshteyn A.Y. (2003). *Struktura i evolyutsiya sotsial'nogo interesa* [Structure and evolution of social interest]. М.
- Rubinshteyn A.Y. (2004). *Vygody obrazovaniya. Desyat' tezisev al'ternativnoy kon-tseptsii reformy vysshey shkoly* [Benefits of education. Ten theses of the alternative concept of higher education reform] // *Strategiya Rossii*. №8, avgust.
- Rubinshteyn A.Y. (2005). *Nauka, kul'tura i obrazovaniye: prepyatstviye ili usloviye ekonomicheskogo rosta? (po povodu proyektiruyemoy reformy byudzhethnykh uchrezhdeniy)* [Science, culture and education: an obstacle or condition for economic growth? (on the projected reform of budgetary institutions)] // *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*. №4. Pp. 2–40.
- Rubinshteyn A.Y. (2008). *Ekonomika obshchestvennykh preferentsiy* [Economics of social preferences]. М.
- Rubinshteyn A.Y. (2014). *O Zhurnale Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii i drugikh ekonomicheskikh zhurnalakh: itogi oprosa chitateley* [Rubinstein A.Y. (2014) About the Journal of the New Economic Association and other economic journals: reader survey results] // *Zhurnal NEA*, №3 (23). Pp. 175–187.
- Rubinshteyn A.Y. (2016). *Ranzhirovaniye rossiyskikh ekonomicheskikh zhurnalov: na-uchnyy metod ili «igra v tsyfir»?* [Rubinstein A.Y. (2016) Ranking of Russian economic journals: the scientific method or the “game in tsifir”?] // *Zhurnal NEA*. №2 (30). Pp. 162–175.
- Rubinshteyn A.Y. (2017a). *Mogut li ispolnitel'skiye iskusstva byt' pribyl'nymi?* [Can performing arts be profitable?] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. №1. Pp. 88–108.
- Rubinshteyn A.Y. (2017b). *Elementy obshchey teorii iz"yanov smeshannoy ekonomiki* [Elements of the General Theory of Defects in a Mixed Economy] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. №1. Pp. 71–102.
- Rubinshteyn A.Y. (2018a). *Rossiyskiye ekonomicheskkiye zhurnaly: tabel' o rangakh* [Russian economic journals: table of ranks] // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. №1. Pp. 108–130.
- Rubinshteyn A.Y. (2018b). *Teoriya opekayemykh blag. Uchebnik* [The Theory of Trustee Benefits. Textbook]. SPb: Aletheia.
- Rubinshteyn A.Y. Slutskin L.N. (2018). *Multiway data analysis i obshchaya zadacha ranzhirovaniya zhurnalov* [Multiway data analysis and the general task of ranking journals] // *Prikladnaya ekonometrika*. T. 50. Pp. 90–113.
- Rubinshteyn A.Y., Gorodetskiy A.E. (2018). *Gosudarstvennyy paternalizm i paternalist-skiy proval v teorii opekayemykh blag* [State paternalism and paternalistic failure in the theory of patronized goods] // *Journal of Institutional Studies*, 2018. Tom 11. №4. Pp. 38–57.
- Rubinshteyn A.Y., Slavinskaya O.A. (2018). *O novom podkhode k finansovomu obespecheniyu gosudarstvennogo zadaniya organizatsiyam iskusstva* [On the New Approach to the Financial Provision of a State Task to Art Organizations] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. №4. Pp. 32–60.
- Sergeyev A.M. (2019). *Rabotayet vkhlostuyu: aspiranturu zhdet reforma* [Running idle: postgraduate education is waiting for reform]. 24/02/2019. <https://info.sibnet.ru/article/547697>.
- Shipovalova L.V. (2014). *Indeks tsitirovaniya i ob"yektivnost' ekspertov (popytka filosofstvovaniya na zlobu dnya)* [The citation index and the objectivity of experts (an attempt to philosophize on the topic of the day)] // *Vysshey obrazovaniye v Rossii*. №2. Pp. 119–125.
- Stimuly akademicheskikh i prikladnykh issledovaniy i formirovaniye ekonomicheskogo soobshchestva* [Incentives for academic and applied research and the formation of an economic community] (2018). *Materialy kruglogo stola v ramkakh XIX Aprel'skoy mezhduna-rodnoy nauchnoy konferentsii NIU VSHE / Polterovich V.M., Zaostrovtshev A.P., Gurvich Ye.T., Volchkova N.A., Grigor'yev L.M., Yakovlev A.A.* // *Voprosy ekonomiki*. №10. S. 136–155.
- Vysshey obrazovaniye v Rossii: pravila i real'nost'* [Higher Education in Russia: Rules and Reality] (2004). *Otv. red. Shishkin S.V.* Moscow.
- Yegorov V.K. (2004). *Vysshey i dopolnitel'noye professional'noye obrazovaniye na sovremennom etape* [Higher and additional professional education at the present stage]. М.
- Akerlof G.A. (1970). *The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism* // *The Quarterly Journal of Economics*. V. 84. August. Pp. 488–500.
- Baumol W.J., Bowen W.G. (1996). *Performing Arts: The Economic Dilemma*. The Twentieth Century Fund. New York.
- Friedman M. (1962). *Capitalism and Freedom*. Chicago.
- Jencks M. (1970). *Education Vouchers: A Report on the Financing of Elementary Education by Grants to Parents*. Cambridge.
- Johnes G. (1993). *The Economics of Education*. London.
- Le Grand J., Propper G., Robinson R. (1992). *The Economics of Social Problems*. 3rd ed. London.
- Musgrave R.A. (1959). *The Theory of Public Finance*. N.Y.-London.
- Musgrave R.A. (1987). *Merit Goods*. In: Eatwell J., Milgate M., Newman P. (Hrsg.). *The New Palgrave*, London-Basingstoke. Pp. 452–453.
- Rubinstein A. (2013). *Studying «patronized goods» in cultural sector. Econometric model of Baumol's disease* // *Creative and Knowledge Society / International Scientific Journal*. №1.
- Nordhaus W. (2008). *“Baumol's Diseases: A Macroeconomic Perspective,” Contributions to Macroeconomics*, Berkeley Electronic Press. Vol. 8(1).